

те, що центральне (головне) значення корелює за суттю інформації, інші значення в угрупованнях можуть не корелювати між собою. Для **VIB** цих значень необхідно шукати кореляцію від інших слів мови, наприклад: Свет¹₂ – відповідає інформаційній наповненості в українській мові «німб»; Свет²₃, Свет³₄, Свет⁴₄, Свет⁴₄, Свет⁵₄ – «світ».

Продемонстрована технологія дозволяє однозначно та повно визначити **VIB** значень неоднозначних слів мови апіорі відповідних за центральними омонімами у споріднених мовах; дозволяє визначити поле припущень **VIB** як всередині слів, що відповідають центральним омонімам, так і за значеннями інших слів; знання **VIB** дозволяє створити алгоритми та програми для автентичного міжмовного автоматизованого перекладу; отримані результати розмежування за значеннями можуть з успіхом використовуватися у лексикології, лексикографії та інших дослідженнях.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Большая энциклопедия: В 62-х т. – М.: Терра, 2006. – Т.44. – С.590; 2. Булаховский Л.А. Из жизни омонимов. Русская речь. - Т. 3. – Л., 1928. – С. 47-61; 3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Скворцова Л.И. - М.: «Оникс. Мир и образование», 2006. – С. 972; 4. Словник української мови в 11 томах / Ред. кол. Білодід І.К. та ін. - К.: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 9. – С. 92-93; 5. Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: «Норинт», 2002. – С. 959; 6. Солдатова Л.П. До теорії розмежування неоднозначностей // Лінгвістичні дослідження. Збірник наукових праць. – 2005. – Вип. 16. – С. 100-105; 7. Солдатова Л.П. До теорії розмежування неоднозначностей // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. – 2004. – Вип. 9. – С. 46-52; 8. Солдатова Л.П. До питання теорії явищ неоднозначності // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. – 2003. – Вип. 8. – С. 64-70; 9. Сучасний тлумачний словник української мови: 65 000 слів / За заг. ред. В.В. Дубічинського. – Х.: ВД “Школа”, 2006. – 1008 с.

Суркова О.С. (Мінськ, Білорусія)

К вопросу о статусе старославянского языка в контексте истории классических языков Средневековья

У статті визначається підґрунтя для побудови моделі опису мовної ситуації, яка сложилася в західнослов'янському ареалі до IX ст. Моделювання таких мовних ситуацій передбачає відтворення й інтерпретацію основних моментів «зовнішньої» історії класичних мов Середньовіччя (до яких ми відносимо і старослов'янську мову), у зв'язку з чим виникає необхідність системного аналізу проблем соціального, політичного, філософського й риторичного характеру.

Ключові слова: мовна ситуація, «зовнішня» історія мови, старослов'янська мова.

В статье определяются основания для построения модели описания языковой ситуации, сложившейся в западнославянском ареале к IX в. Моделирование таких языковых ситуаций предполагает воссоздание и интерпретацию основных моментов “внешней” истории классических языков Средневековья (к которым мы относим и старославянский язык), в связи с чем возникает необходимость системного анализа проблем социального, политического, философского и риторического характера.

Ключевые слова: языковая ситуация, “внешняя” история языка, старославянский язык.

The grounds for descriptive model of linguistic situation in west Slavic area in IX c. are defined. The modeling of such linguistic situations proposes creation and interpretation of medieval classic languages (Old Slavonic) “outer” history moments that determines the necessity of social, political, philosophical and rhetorical problems’ systematic analysis.

Key words: linguistic situation, “outer” history of language, Old Slavonic.

1.0. Теоретические предпосылки для описания языковых ситуаций эпохи Средневековья. М. М. Бахтин предложил описывать языковые ситуации в терминах оппозиции *единый язык / разноречие*, предполагающей определение отношений между официальным, унифицированным языком, с одной стороны, и совокупностью неканонических языков, с другой [1, 83]. Данная оппозиция задает такое направление в исследовании истории языка, которое позволяет проследить динамику образования и изменения языковых норм, а также процесса коммуникации в целом. При этом следует обратить особое внимание на то, что процесс унификации языка, который подразумевает унификацию всех форм коммуникации, предусматривает фундаментальные изменения в системе культуры.

Унификация может быть представлена как процесс, который инициирует возникновение и эволюцию определенных норм, регулирующих язык; в этом процессе основную роль играет сила авторитета, в качестве которого могут выступать риторические и стилистические доктрины, обеспечивающие культуру системой норм для упорядочения ее средств коммуникации. Именно эта сила противостоит процессу “децентрализации”, приводящему к “разноречию”, которое в свою очередь обозначает “разнокультурие”^{*}.

Исследование статуса любого языка в эпоху Античности, Средневековья или Возрождения предполагает решение двух основных проблем: (а) какую языковую систему следует считать официальным и/или литературным языком определенного сообщества, т.е. может ли язык государственного делопроизводства и литературы быть одновременно языком повседневного общения или это должен быть язык, исполняющий исключительно функции носителя (и хранителя) религиозных, философских и поэтических образцов? (б) если местное наречие ложится в основу официального и/или литературного языка, в каком объеме его наследие может быть усвоено новой языковой системой? [см. 19, 2].

Вслед за Р. Пиккио мы будем использовать эти концептуальные положения в качестве основания для построения модели описания языковой ситуации, сложившейся в западнославянском ареале к моменту создания старославянского языка.

Избранные положения могут быть соотнесены с понятиями *dignitas* ‘достоинство (социальный статус)’ и *norma* ‘норма’, разработанными в системе металингвистических построений эпохи Возрождения. В частности,

^{*} С другой стороны, установка на единую культуру обозначает установку на единый язык.

термин *dignitas* использовался для характеристики способности языка исполнять религиозные, социальные или литературные функции и быть при этом легитимным. Эта способность определялась технической стороной языка, а также степенью его распространенности среди ученых и элиты^{**}. *Norma* могла быть задана либо посредством повторения предшествующих моделей (например, парадигматических структур классических языков), либо через принятие языковых стандартов определенного типа законодательными структурами общества [19, 2].

Оценивая статус языка в средневековых обществах в границах данных понятий, мы неизбежно столкнемся с проблемами социального, политического, философского и риторического характера, которые предусматривают воссоздание и интерпретацию основных моментов “внешней” истории классических языков Средневековья (к которым мы относим и старославянский язык) в большей степени, чем “внутренней” истории их возникновения и развития. Такой исследовательский подход предполагает обращение к теории и методам социолингвистики.

1.1. Языковые ситуации в западно- и восточнохристианском ареалах в IX в. Как показывают социолингвистические исследования языковых ситуаций, сложившихся в разных средневековых ареалах, большинство этих ситуаций типологически могут быть определены как диглосные: диглоссия была целенаправленно введена в Византии в IX в.; в VIII-IX вв. у арабов; а также в X в. в мусульманских странах по отношению к еврейскому языку [21]. Наличие диглосной ситуации предполагало активизацию метаязыковой деятельности, в том числе, сохранение образцов древней письменности; изготовление пособий, облегчающих подражание признанным в качестве образцовых языческим и христианским авторам; поддержание государственной идеологии, социальные мифы которой опирались на античную традицию [3, 143]. Кроме того, ситуация диглоссии означала “сосуществование, противопоставление и взаимодействие культового и народного языков, что представляет собой главный конфессионально обусловленный фактор в истории народных литературных языков” [2, 262].

Распространение христианства на Западе и Востоке осуществлялось разными темпами (на Востоке быстрее) и предполагало неодинаковую динамику в развитии представлений о статусе сакральных и народных языков. Христианизация на Востоке даже в рамках политики эллинизации все же допускала, что религиозные границы могут не совпадать с границами языковыми, тогда как на Западе было распространено представление о том, что доступ к истинному знанию возможен посредством только одного языка – латинского. Следствием этого стали определенные тенденции в истории западной и восточной Церквей, которые обусловили “миссионерские эксперименты” Константинополя сродни тому, который имел место в Великой Моравии, с одной стороны, и господство доктрины о “триязычи” в Западной Европе на протяжении нескольких столетий, с другой.

^{**} Идея *dignitas* была теоретическим обоснованием для переводов Ветхого Завета на греческий язык.

В IX в. пока еще единая христианская Церковь использовала для богослужения два языка – греческий и латинский (при этом восточная Церковь первым литургическим языком почитала главным образом греческий, а Западная – латинский). В качестве исключения можно привести пример нескольких приходов на Кавказе, применявших в качестве литургического грузинский язык, а также случаи переводов отдельных частей Св. Писания на народные языки Западной Европы с целью их использования в частных целях. Проведение богослужения на таких языках, как сирийский, арабский, персидский, согдийский, армянский, коптский, эфиопский, нубийский и готский долгое время было практикой сторонников арианства, несторианства и других нехалкидонских ответвлений христианства, определяемых официальной Церковью в качестве еретических [17, 51]. Кроме того, как отмечает В. Вавржинек, литургии на этих языках “были введены еще в позднеантичный период, и их возникновение совершенно не зависело от согласия или поддержки официальных римских органов, а было естественным последствием развития христианства в тех областях, где существовала своя собственная старинная культура” [2, 131].

Таким образом, и в восточном и в западном ареалах христианского мира сложились ситуации, в которых в качестве *sacra lingua* были приняты классические языки, чьи *dignitas* и *norma* определяли высшую степень их престижности.

1.2. Старославянский язык как миссионерский: к вопросу о статусе. Исторические обстоятельства, при которых Константин-Кирилл и Мефодий создали первый книжно-письменный язык для славян, в основном хорошо известны и имеют устойчивую традицию изложения в научной литературе. Некоторые эпизоды истории Великоморавской миссии переосмыслиются новыми поколениями исследователей. Среди таких моментов – вопрос о соответствии нововведений славянских первоучителей экклесийским тенденциям того времени. Именно эта проблема до сих пор является объектом научного интереса и предполагает разностороннюю интерпретацию.

Западная научная традиция, как правило, интерпретирует события, связанные с Кирилло-Мефодиевской миссией, как парадоксальные, поскольку, по мнению целого ряда зарубежных исследователей, историю создания славянской письменности, славянской церковной иерархии и богослужения следует рассматривать на фоне провала миссии среди славян Моравии и Паннонии, на которых распространялась просветительская деятельность первоучителей [11; 12; 16; 22]. Великоморавская миссия (863-866) не стала триумфальной для Константинопольской церкви, что, по-видимому, и объясняет тот факт, что имена Константина-Кирилла и Мефодия ни разу не упоминаются в хрониках византийских историков. Однако, с другой стороны, именно благодаря высвобождению Кирилло-Мефодиевской миссии из-под надзора Византийской патриархии* оказалось возможным создать славянскую

* Как свидетельствует история христианских миссий, и Византия, и Рим проводили целенаправленную политику при отборе миссионеров: в очередной новый регион миссионерской деятельности обычно отправлялся иностранец, который редко становился союзником для местных властей в их противостоянии

церковь и организовать богослужение на славянском языке [4; 19].

Великоморавская миссия действительно носила парадоксальный характер исходя из следующих предпосылок: (1) византийское православие, сформированное под сильным влиянием поздней Античности с ее метафизическими спекуляциями, сочетающимися с восточным мистицизмом, имело особые духовные и социальные характеристики в сравнении, например, с основаниями миссионерской политики Рима; (2) до IX в. византийская Церковь не имела опыта миссионерской деятельности среди варварских народов за пределами Империи. Вовлекая в процесс христианизации и культурной ассимиляции новых членов византийского содружества наций, Константинопольская Церковь использовала миссионерские методы, позволяющие неопитам адаптироваться в установленной и закреплённой многовековой традицией восточнохристианской религиозной системе. Опыт и надлежащими методами христианизации внутри иных политических и социальных ареалов византийская Церковь не располагала; (3) деятельность славянских первоучителей в Моравии и Паннонии была на несколько порядков выше любой другой миссии в истории византийской Церкви. Учитывая тот факт, что Великоморавская миссия предназначалась для уже христианизированного народа, следует принять во внимание субъективный фактор – масштаб личности Солунских братьев, которые уровнем образованности и личностными качествами превосходили многих своих соотечественников и современников, в том числе канонизированных Церковью. То же самое можно сказать о славянских учениках Константина-Кирилла и Мефодия, которые оказались достойными преемниками первоучителей, способными развивать просветительские идеи своих наставников в новом качестве.

Старославянский язык был создан в течение относительно небольшого промежутка времени в процессе переводов с позднеантичного и среднегреческого языка. Характеризуя этот процесс, И. Шевченко пишет о нем как о противостоянии между “славянским и довольно ограниченным греческим языком Евангелий, а также между славянским и изощренным языком литургических книг, специальной терминологией юридических текстов, изысканными речениями двух высокоумных Отцов Церкви (- Григория Богослова и Псевдо-Дионисия Ареопагита. – *Е. С.*), включая греческий язык самого Константина” [22, 232].

Благодаря переводу Константином-Кириллом и Мефодием богослужебных книг были заложены основания для создания нового литературного языка, основанного на диалекте македонских славян, смоделированного по греческому образцу и предназначенного для “более широкой коммуникации не только в пространстве, т.е. к охвату всего греко-славянского ареала, но и во времени, т.е. к возможности непосредственного использования всего предшествующего наследия” [9, 145]. Со временем грамматический строй

Константинопольскому или Римскому престолу, поскольку находился в прямой зависимости от папы либо патриарха. Только после окончательного закрепления нового диоцеза за той или иной церковной властью или в результате мощного политического давления церковные иерархи допускали к управлению поместными церквями выходцев из местного священства [10, 284].

старославянського мови, його лексику були розвинуті і збагачені в процесі наступних перекладів текстів Св. Писання, візантійської патристики, законодавчих кодексів, а також завдяки створенню оригінальних творів на цій мові. Однак дослідники відзначають, що тексти, з'явлені в найранішій період розвитку старославянського мови, за своїми літературними якостями і лінгвістичною точністю відрізняються найбільш досконалим завдяки науковому і поетичному гению Константина-Кирила, зусиллями якого старославянська мова стала третім міжнародною мовою в Європі, обслуговуваним східноєвропейським ареалом візантійського союзу (commonwealth) народів [23; 14; 18; 20; 17; 13; 9; 6]. Статус старославянського мови часто порівнюють з положенням латини в Західній Європі: перший книжково-письмовий мови славян був "реально-інтернаціональним" [8, 35] і "функціонував подібно латині у балканських і східноєвропейських славян аж до XVIII століття" [22, 225].

Крім того, важливо відзначити політичний аспект функціонування старославянського мови на славянських землях. В ареалі *Slavia Orthodoxa* використання старославянського мови передбачало політичну незалежність славянських держав від Візантійської імперії і автономію (і/або автокефалію) їх Церквей. В більшій мірі цей момент був актуальним для південних славян, підданих постійній активній експансії з боку Візантії, чим, наприклад, для славян східних. Як відомо, в кінці X – початку XI вв. і аж до кінця XII в. території південних славян знову увійшли в склад Східної Римської імперії. На фоні почавшоїся насильницької елінізації славян старославянська мова стала фактором, визначальним етнічне і культурне самовідчуження південнославянських народів, що мало більш суттєвий вплив на подальшу історію цієї мови, ніж будь-які богословські або філософські аргументи, когось-небудь прозвучавши з боку його апологетів [17, 53].

В ареалі *Slavia Romana* літургичне використання старославянського мови поряд з іншими народними мовами знаходилося під заборотою протягом XI-XII вв. Цей заборот, вперше сформульований папою Григорієм VII в 1080 г. і призначений для чеського князя (см. *CDB*, I, 88), був складовою частиною політики, націленою на досягнення переваги пап як в духовній, так і в державній сфері. Політичні суперечності, таким чином, стали причиною того, що ми не маємо текстів на древнечеському або древньопольському, які б стосувалися до західнославянського ареалу і датувалися б XII в.

Таким чином, ставши частиною самовідчуження славянських народів новий еklecический мови повинен був стати об'єктом рефлексії подібно тому, як в візантійській філологічній науці таким об'єктом був еklecический грецький.

Відомості про дискусію з приводу *dignitas* ('достоїнства') старославянського мови доступні для дослідження завдяки тому, що вони були зафіксовані в пам'ятках Кирило-Мефодієвського корпусу. Як визначає характер цієї дискусії Р. Піккіо, актуальним був питання про функціональну еквівалентність старославянського мови: "як і в ситуації

латынь *versus* греческий во времена Цицерона, а также греческий *versus* древнееврейский по отношению к Септуагинте, в случае со славянским дискуссия велась по поводу статуса нового языка в терминах ‘престижности’ и ‘авторитетности’ ” [19, 4]. В сложившейся классической, а затем и иудео-христианской традиции данные понятия были взаимообусловленными: язык не признавался “достойным” до тех пор, пока его соответствие социальным и культурным нормам не утверждалось высшим авторитетом (в классической традиции в роли такого авторитета выступали поэты и философы, для иудео-христианской культуры непререкаемым был авторитет Св. Писания). В случае со старославянским языком представляется возможным говорить о том, что система представлений о его ‘престижности’ и ‘авторитетности’ была определена внутри ареала *Slavia Orthodoxa* независимо от тех моделей, которые традиционно экспортировались Римом и Константинополем вместе с официальными языками богослужения и культуры. Дискуссия о статусе старославянского языка велась в контексте его противопоставления греческому. Начало этой дискуссии было положено славянскими грамматистами – Черноризом Храбром в эпоху I Болгарского Царства, а также патриархом Евфимием и Константином Костенечским в Болгарии и Сербии в XIV в.

Вместе с тем, соотношение между *dignitas* и *norma* старославянского языка развивалось в соответствии с актуальным для Средневековья принципом “имитации” (R. Picchio): согласно восходящей к неоплатонической философии генеалогической схеме, старославянский должен был имитировать греческий язык для того, чтобы вместе с перенятыми моделями греческой языковой системы воспринять тот свет Божественной Истины, который греческий в свою очередь унаследовал от еврейского языка. Действительно, как отмечает Н. И. Толстой, “греческий язык (в первую очередь синтаксис, словообразование, лексика) был той классической моделью, тем “великим азыком”, по образцу и подобию которого пытались строить старославянский, строить, однако, без слепого подражания и не в ущерб его общей структуре. Достаточно сказать, что в лексическом фонде классических старославянских текстов, насчитывающем 9000 слов, – 1200 грецизмов (не считая многочисленных калек)” [9, 144].

Таким образом, в отличие от классических языков, этапы эволюции которых рассматриваются в контексте процесса унификации этих языков, старославянский язык складывался, имея своим основанием иную модель развития.

В самом деле, Константин-Кирилл, Мефодий и их ближайшие ученики не составили ни одной грамматики либо лексикона старославянского языка. Усилия первоучителей были направлены на создание славянского литургического дискурса на основе разработанной ими алфавитной системы в сочетании с установленными орфографическими нормами. Для того чтобы достичь поставленной цели, первоучителям необходимо было разработать систему доводов, подтверждающих идеологическую легитимность новой письменной традиции. В связи с этим исследователи обычно говорят о двух важнейших доктринах, которые легли в основу теоретического обоснования *dignitas* старославянского языка и славянской азбуки. Первая признает сакральный характер всех естественных языков, исходя из положения о том, что в процессе христианизации все народы приобретают равное право обладать

и развивать письменную культуру на родном языке. Вторая утверждает идею равенства всех народных языков (и обслуживающих их систем письма) в связи с принципом равенства народов перед Богом, допустившим языковое и культурное многообразие [см. 15]. Эти идеи, возникшие в эпоху раннего христианства, отражают стремление донести до сознания неопитов истины откровения в привычной оболочке слов и понятий, что, по мнению М. К. Петрова, можно считать “первым и, пожалуй, наиболее действенным стихийным этапом становления теологии, перевода откровения на типологически различные языки и культуры, <...> этапом широкого поиска и, естественно, находок инокультурных, иносистемных, иноязычных средств истолкования идеи спасения и всего содержания откровения” [7, 242]. Тезаурусный характер проповеди, стремление говорить с аудиторией на понятном ей языке свойственны апостолам Христовым (ср. высказывание апостола Павла: “Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, <...> чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (I Кор., 9:20-22)). Эти же идеи были использованы апостолами славян в качестве богословского обоснования исторического права славянских народов иметь богослужение на родном языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бахтин, М. М.* Слово в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 72-233;
2. *Вавржинек, В.* Культурные и церковно-политические предпосылки возникновения славянской литургии / В. Вавржинек // Сб. тр. / Българска Академия на науките, Кирило-Методиевски научен центр. – Кн. 4: Кирило-Методиевски студии (Хиляда и сто години от смъртта на Методий). – София, 1987. – С. 130-137;
3. *Гаврилов, А. К.* Языкознание византийцев / А. К. Гаврилов // История лингвистических учений: Средневековая Европа / АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние; А. В. Десницкая (отв. ред.), С. Д. Кацнельсон. – Л., 1985. – С. 109-156;
4. *Дуйчев, И.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества / И. Дуйчев // Slavica Orthodoxa: collected studies in the history of the Slavic Middle Ages / I. Dujčev. – L.: Variorum Reprints, 1970. – С. 107-129;
5. *Мечковская, Н. Б.* Язык и религия: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Агентство “ФАИР”, 1998. – 352 с.;
6. *Мещерский, Н. А.* Древнеславянский – общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов / Н. А. Мещерский // Избранные статьи / Н. А. Мещерский / Санкт-Петербург. ун-т, Языковой центр филологич. фак-та Санкт-Петербург. ун-та; отв. ред. Е. Н. Мещерская. – СПб., 1995. – С. 21-32;
7. *Петров, М. К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Наука, 1991. – С. 328 с.;
8. *Толстой, Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян / Н. И. Толстой // История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1988а. – С. 34-52;
9. *Толстой, Н. И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности / Н. И. Толстой // История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1988б. – С. 140-153;
10. *Alexander, P. J.* The Papacy, the Bavarian Clergy and the Slavonic Apostles / P. J. Alexander // Religious and Political History and Thought in the Byzantine Empire. Collected Studies / P. J.

Alexander. – L.: Variorum Reprints, 1978. – P. 266-293; **11.** *Bury, J. B.* A History of the Eastern Roman Empire / J. B. Bury. – L.: MacMillan and Co, 1912. – 530 p.; **12.** *Dittrich, Z. R.* Christianity in Great Moravia / Z. R. Dittrich. – Groningen: J. B. Wolters, 1962. – 316 p. – (Bijdragen van het Instituut voor Middeleeuwse Geschiedenis der Rijksuniversiteit te Utrecht, v. XXXII); **13.** *Dučičev, I.* A Nationality-Building Factor: The Role of the Slavonic Script for the Bulgarians / I. Dučičev // Kiril and Methodius: Founders of Slavonic Writing. A Collection of Sources and Critical Studies / ed. by I. Dučičev. – N.Y.: Columbia University Press, 1985. – P. 37-47. – (East European Monographs, No. CLXXII); **14.** *Horálek, K.* La traduction vieux-slave de l'évangile-sa version originale et son développement ulterieur / K. Horálek // Byzantinoslavica. – 1959. – An. XX. № 2. – S. 267–284; **15.** *Lencek, R.* The Culturological Legacy of the Cyrillo-Methodian Tradition / R. Lencek // Сб. тр. / Българска Академия на науките, Кирило-Методиевски научен център. – София, 1987. – Кн. 4 (Хиляда и сто години от смъртта на Методий): Кирило-Методиевски студии. – С. 18-22; **16.** *Mango, C.* Byzantium: The Empire of New Rome / C. Mango. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1980. – 334 p.; **17.** *Mathiesen, R.* The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX-XX Centuries) // Aspects of the Slavic Language Question / ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. – Vol. I. Church Slavonic – South Slavonic – West Slavonic. – New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1984. – P. 45-65. – (Yale Russian and East European Publications, No. 4-a); **18.** *Obolensky, D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453 / D. Obolensky. – 2nd ed. – New Haven: Eastern Press, 1982. – 552 p.; **19.** *Picchio, R.* Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs / R. Picchio // Aspects of the Slavic Language Question / ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. – Vol. I. Church Slavonic – South Slavonic – West Slavonic. – New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1984a. – P. 1-42. – (Yale Russian and East European Publications, No. 4-a); **20.** *Picchio, R.* The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques / R. Picchio // Medieval Russian Culture / ed. by H. Birnbaum and M. S. Filer. – Berkeley-Los Angeles-L.: University of California Press, 1984b. – P. 247-279. – (California Slavic Studies, XII); **21.** *Rabin, C.* Massorah and *Ad Litteras* / C. Rabin // Hebrew Studies. – 1985. – T. 26. – S. 81-91; **22.** *Ševčenko, I.* Three Paradoxes of the Cyrillo-Methodian Mission / I. Ševčenko // Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World / I. Ševčenko. – L.: Variorum Reprints, 1982. – P. 220-236; **23.** *Vondrák, V.* O církevněslovanském překladu evangelia // Daničičev zbornik. – Belgrade: Srpska Akademija Nauka, 1925. – S. 9-27.

Тепла О. М. (Київ, Україна)

Функціонально-семантичне поле аспектуальності як універсальна типологічна категорія у зіставленні різних мов

Розглядається питання аспектуальності в межах функціонально-семантичного підходу, що є семантичною підставою для порівняння фактів мов різного типу.

Ключові слова: *аспектуальність, видові форми дієслова, доконаний вид, недоконаний вид*

Рассматривается вопрос аспектуальности в границах функционально-семантического подхода, что является семантическим основанием для сравнения фактов языков разного типа.

Ключевые слова: *аспектуальность, видовые формы глагола, совершенный вид, несовершенный вид.*